

ГАЗЕТЫ Г. ВИТЕБСКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
ПРАКТИК МАТЕРИНСТВА В 1920-Х ГГ

Галина Яковлева
Витебск, Беларусь

В статье показано, как отразились на страницах газет г. Витебска те изменения, которые происходили в повседневных практиках материнства в 1920-х годах. Отмечена большая роль медицинских и детских учреждений, создаваемых в те годы, в пропаганде знаний об уходе за детьми, в привитии матерям и детям навыков гигиены, а также их значение в распространении новой идеологии.

Ключевые слова: семья, брак, материнство, аборт

Изменения, происходившие в обществе в постреволюционный период, серьезным образом сказались на семье и быте. По мнению российской исследовательницы Ю. Градской, происходившей в 1920-е годы советизации практик материнства способствовали дискурсы гигиены, культурности и государственной заботы о матерях и детях [8]. Рассмотрим, в какой степени они нашли отражение в витебских газетах 1920-х годов.

Номера газеты «Известия Витебского губисполкома и губкома РКП» за 1924 год полны материалов о «советских свадьбах», сопровождавшихся регистрацией в ЗАГСе. Молодожены призывали других «отрешиться от религиозного дурмана и последовать их примеру» [1, л. 47]. На конференции женщин в 1924 г. провели политсуд над «современным браком». Зал поддержал работницу М. Кускову, которую не устроил ни первый муж, считавший, что место женщины на кухне, ни второй, «легкомысленный и фатоватый», «пустомеля и барахло» [1, л. 120 об.]. Политической социализации родителей способствовали октябрины, утверждавшие новую практику имянаречения детей. В январе 1924 г. на фабрике «Двина» на октябринах девочку назвали Лениной. «Культурное шефство и наблюдение за воспитанием в советском духе – вот задача шефских организаций. Пока ребенок находится в младенческом возрасте, шефы должны следить за тем, чтобы мать воспитывала ребенка не по советам «бабок», а несла бы его в консультацию и ясли», – писал автор заметки [1, л. 120 об., 131 об.]. Но многие женщины не воспринимали новых веяний. Из публикации

«Такие в партии не нужны» узнаем, что исключили из партии Фрадкова С. и Топорского Л., т.к. они не смогли противостоять «темноте» своих жен и по их требованию новорожденным, как того требовала традиция, было сделано обрезание [6, л. 113 об.].

Способствуя «гигиеническому материнству» газеты приглашали женщин на курсы по уходу за детьми, публиковали материалы о важности роддомов, убеждали их в пагубности аборт у знахарок. К году лишения свободы была приговорена Агафья Иванова 50-ти лет из Езерищенского района за то, что «за 2 рубля деревянным прутиком делала аборт крестьянкам», которые потом месяцами лежали в больнице. Удивительно, но в заметке дальше сообщалось, что окружной суд сократил осужденной срок лишения свободы до 3-х недель, ввиду ее «полной слепоты, хромоты и старости» [2, л. 165]. В Полоцке на два года принудительных работ была осуждена «Катька-ворожея», которая выкидыши делала, не одну женщину отправив на тот свет. «Пагубно думать, что аборт – плевое дело, что его можно делать и без доктора», – писала автор заметки, призывая женщин обращаться в больницу, а не к очередной Катьке-ворожее [1, л. 124].

«Заря Запада» агитировала читателей подписаться на журнал «Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи», рекламировала книгу «Мать и дитя», которая должна была стать «противоядием против нелепых и опасных советов невежественных бабок» [5, л. 43 об.]. Для женщин рекламировались предохранительные средства лаборатории отдела охраны материнства и младенчества Народного комиссариата здравоохранения: «Требуйте! Противозачаточные средства. Шарик «Концентрацептин». Паста «Прекопсол» [6, л. 16 об.]. Рекламировались мужские презервативы «от беременности и заражения из тонкой лучшей шелковой резины» стоимостью 2 руб. 75 коп. – 3 руб. 75 коп. за дюжину [2, л. 144 об.]. Однако широкого распространения в 1920-е эти средства не получили.

Газеты уделяли внимание проблеме насилия в семье. В 1924 г. в заметке «Позорное пятно» говорилось об истязании работницей витебской фабрики «Двина» Пильской детей 9 и 11 лет. Она их била и держала впроголодь, хотя «живет не бедно и имеет корову». Автор требовал общественного суда над Пильской, как «подрывающей основы здорового воспитания будущего поколения». Другие требовали судить работницу по нормам УК, а детей отдать в коммуну. Участницы дискуссии женщины-делегатки предлагали сначала вникнуть в обстоятельства жизни работницы, способствовавшие такому обращению с детьми, а затем устроить политсуд для

разъяснения «сотням Пильских», что дети – это не их собственность, а общественное достояние и будущее страны [1, л. 120 об., 126 об., 161 об.]. Нередко на страницах газет шла речь и о том, что объектом насилия становились женщины, которых не просто бьют, но даже истязают их мужья (даже партийцы), которых надо карать по нормам Уголовного кодекса, устраивая показательные суды.

В 1920-е годы резко возросло число матерей-одиночек. Оказавшись в тяжелой жизненной ситуации, одни все же поднимали детей, другие оставляли их на ступеньках храмов, подбрасывали в подьезды домов центральных улиц города, рассчитывая, что там их быстрее обнаружат и передадут в приют. Некоторые решались на детоубийство. Иногда заметки характеризуют абсолютную нравственную глухоту женщин. Обвинялась в преднамеренном убийстве ребенка крестьянка одной из деревень Витебского округа. Отца ребенка она не знала, ребенка «годовать» не хотела: «Чего ж иметь некрасивое дитя?» [4 л. 241 об.]. Обманутая хозяином 18-летняя работница утопила ребенка в колодце, «неграмотная, темная, абсолютно некультурная и неразвитая, объяснить свой поступок не смогла» [2, л. 7 об.].

Созданные для обездоленных детишек учреждения не пустовали. Дом ребенка в Полоцке на треть был заполнен подкидышами, остальные дети имели только матерей-одиночек из рабочих или крестьян. Общество «Друг детей» открыло в Витебске консультацию - ясли на 30 мест. «Штатные койки заполнены детьми-полусиротами, имеющими только матерей, брошенных отцами. Матери имеют случайную черную работу, но плохо обеспечены», – сообщалось в акте обследования учреждения органами РКИ.

В 1926 г. становится очевидным курс ВКП(б) на укрепление семьи и её ответственности за родившихся детей, на борьбу против предыдущих теорий о свободной любви, «стакане воды» и т.д. В печати обсуждался проект нового Кодекса законов о браке, семье и опеке. В колонке «Суд и быт» «Заря Запада» освещала дела по искам о признании отцовства и уплате алиментов. Они показывают разные модели поведения женщин-матерей и различные стратегии попыток минимизации обязательств со стороны мужчин. Еврейская камера народного суда Витебска в клубе щетинного комбината слушала дело рабочего М. Израилита, «франтоватого молодого человека», отрицавшего свое отцовство. Решение суда о выплате ответчиком в пользу ребенка 20 % зарплаты комментировалось газетой: «Так

такому хлосту и полагается» [2, л. 133]. В суд с требованием алиментов обратились 6 жен «худощавого старика 55 лет» Анисимова. К нему за помощью обращались деревенские вдовы 35–40 лет. Имея зажиточное хозяйство, он помогал им, а помогая, прижил 6 детей. Ни с кем брак не регистрировал, но ситуация женщин устраивала, т.к. никто не был обижен. Но потом он отказался помогать, т.к. обеднел. Женщины же утверждали, что он завел седьмую жену. Суд приговорил ответчика к году лишения свободы, а имущество пошло на обеспечение иска [2, л. 9 об.]. Семь месяцев бегал от алиментов строитель по профессии М. Тетельбаум, который сожительствовал с девушкой, однако отказался от отцовства. Признанный судом отцом ребенка, он должен был выплачивать 25% заработка на его содержание до совершеннолетия [4, л.105 об.]. В другом случае, оставив жену и детей, уехал на заработки в Донбасс крестьянин из Городокского района Витебского округа. Жена, не получая помощи, поехала к мужу и застала его с новой женой, тоже уже родившей ребенка. Муж, чтобы не платить алименты, предложил жить втроем. Такая «тоже любовь втроем» (обыграно название шедшего в 1927 году фильма) закончилась убийством. Вторая жена, убившая первую, получила сначала 8 лет, затем срок был сокращен до 5 [7, л. 87].

В дискурсах заботы о материнстве и детстве, гигиене и культурности заметную роль играли медицинские и детские дошкольные учреждения. Особенно важны они были в деревне, т.к. несли туда хотя бы элементарные санитарно-гигиенические знания, способствовали привитию навыков ухода за детьми.

В 1926 г. по всей БССР действовал 41 детский сад, 14 яслей и 63 детские площадки. В Витебске функционировало 8 детских садов, 4 яслей, 4 консультации, 17 летних детских площадок [2, л. 94 об.]. На всебелорусском съезде крестьянок-латышек, проходившем в Витебске в 1926 г., член латышского бюро ЦК КПБ призывала их добиваться создания коек для рожениц при больницах, акушерской помощи на дому, консультаций для беременных и детских яслей на летнее время [2, л. 95]. Мать, усвоившая новые подходы к материнству, пропагандировала работу детской консультации в Витебске, которая дает «лечение, совет, лекцию, книгу». Сетуя, что из 1500 женщин, стоявших на учете, лекции посещали лишь 30 – 40, автор убеждала мам, желавших иметь здоровых и правильно воспитанных детей, носить их в консультацию, и слушать лекции специалистов [2, л. 183 об.].

Детские учреждения женщин устраивали, потому что дети в них были «сыты и целы». Для власти же важным было не только воздействие на детей, но и влияние детских учреждений на матерей через приобщение их к «советскому» взгляду на мир, к «культуре» и «гигиене». В Витебске руководители «1-го еврейского детского очага» вместе с родительским комитетом старались влиять на жизнь и быт рабочих, изжить религиозные предрассудки, привить культурные навыки, научить родителей гигиене и тому, как воспитывать детей [2, л. 88 об.]. Делегатка, прикрепленная к 4-му белорусскому детскому саду, отмечала, что дети учатся рисовать, лепить, часто ходят на экскурсии. «Обязательно все рисуют Ленина в гробу, это наиболее обычная тема для ребят» [5, л. 9]. В 1924 году в Витебске в центральном детском очаге дети лепили «ящик или корыто, в котором лежит фигурка, означающая человека». Руководители поясняли, что это Ленин в гробу. Рабкор уточнял, что таких однородных фигурок – «Ленин в гробу» – много [1, л. 105]. «Коммуной маленьких карапузов» назвал ребятшек, посещавших витебские детские площадки в 1927 году, корреспондент Д.Ш. Когда-нибудь из нее разрастется большая коммуна, в чем убеждала корреспондента «песня 6-летнего человека, ожесточенно ударявшего при пении по столу шахматной доской»: «Старый барабанщик, старый барабанщик, / Долго, долго, долго спал. / Он проснулся, / Перевернулся, / Всех фашистов разогнал» [5, л. 9]. Попытки коммунализации жизни затронули и детские учреждения. На площадке очковой фабрики царило «полнейшее равноправие, проведена общность имущества, общий котел, общие игрушки».

И если одни матери опасались садов и площадок, то другие дарили их руководительницам цветы и подарки. В качестве такового одной руководительнице, например, вручили «Стенографический отчет 14-го съезда ВКП(б)» [3, л. 93].

В 1920-е годы утвердились многие практики ухода за детьми, сохранявшиеся в СССР десятилетиями (кормление детей жестко по часам, раздельное содержание детей и мам в роддомах и др.). Ю. Градскова упоминала работу З.М. Конюс «Общественная и культурно-просветительная работа медицинского персонала» (1928). В ней разлучение детей и матерей, например, в домах отдыха для матерей с детьми (матерям разрешались свидания с детьми только на два-три часа в день во время прогулки), объяснялись автором брошюры и как необходимость "дать ей (матери) возможность разумно отдохнуть и за короткий период отпуска действитель-

но поправить свое здоровье". В это время ребенок должен был находиться на попечении "квалифицированного персонала". В таком доме отдыха с матери снимались все тяготы материнства, а оставалась ее светлая сторона – мать сохраняла "живую и нежную связь" с ребенком [8]. Интересна в этом контексте заметка работницы А. Бизуновой «Нужен дом ребенка». В духе времени она предлагала создать временный летний дом ребенка, куда мать смогла бы сдавать малыша, уезжая в дом отдыха [2, л. 140 об.]. Редакция отметила, что это предложение, идущее из низов рабочей массы, заглохнуть не должно. Продолжения, однако, эта инициатива не имела.

Таким образом, витебская печать позволяет почувствовать атмосферу эпохи и увидеть ту роль, которую играли детские учреждения в идеологизации и коммунализации жизни детей с ранних лет, в воспитании их и матерей в советском духе. Пропаганда гигиены, культурности в быту и в уходе за детьми оказывала определенное влияние на молодое поколение советских матерей. Однако шли эти процессы в основном в городах. Женщины ощутили на себе новшества эпохи, либо принимая или отрицая их.

1. Государственный архив Витебской области (далее ГАВт) Ф. 2289. Оп. 2. Д. 93.
2. ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106.
3. ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106 б.
4. ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110.
5. ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110 а.
6. ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 118.
7. ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106 а.
8. Градскова, Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация «материнства» в России в 1920 – 1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. – М, 2007. URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=3679#>